

М а с т е р к р и м и н а л ь н ы х т а й н

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

**ЗАСТЕНЧИВЫЙ
МОТИВ КРОВИ**

ЭКМО
МОСКВА
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
А 13

Разработка серийного оформления А. Саукова

Абдуллаев Ч. А.

А 13 Застенчивый мотив крови / Чингиз Абдуллаев. — М. : Эксмо, 2014. — 320 с. — (Абдуллаев. Мастер криминальных тайн).

ISBN 978-5-699-70610-5

Профессор Максуд Намазов влачит жалкое существование: у него мизерная зарплата, его не уважают коллеги и ни в грош не ставит жена. Он подавлен и унижен. Но однажды все меняется. Из Дагестана приезжает двоюродный брат Максуда, спецназовец Салим. Он сообщает, что дома, в горах, активизировались кровные враги их семьи, и пришло время собирать всех мужчин Намазовых, чтобы защитить род. Максуд нехотя соглашается — какой из него воин?! Но оказывается, что как раз воин из профессора первоклассный. Как только Максуд берет в руки оружие, в нем просыпается инстинкт сильного и безжалостного горца. Некогда слабый, затюканный научный сотрудник неожиданно для всех преображается в хладнокровного убийцу...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Абдуллаев Ч.А., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-70610-5

Никогда ранее за всю историю ведовства и сношений с Дьволом никому и не снился такой чудовищный Голем — псевдоодушевленный полиморф. Нет-нет, не всем известный искусственно сотворенный раб из еврейской легенды, чудовищный сгусток зверской жестокости, которая глубоко в душе знакома каждому, даже самому лучшему из нас. Фрейд называл это «Id» — неосознанным источником инстинктивной энергии, требующей дикого животного выхода.

Альфред Бестер. «Голем 100»

Замысливать планы мести и осуществлять ее — значит испытать сильный припадок лихорадки, который, однако, проходит, но размышлять о мести, не имея ни сил, ни мужества осуществить ее, — значит носить в себе хроническую болезнь, отравляющую душу и тело.

Фридрих Ницше

Глава 1

Первое, что он услышал в это утро, было недовольное ворчание супруги, которая уже в который раз напоминала ему, что им нужно поменять холодильник. Максуд недовольно открыл глаза. Сколько можно говорить по этому поводу: у них два холодильника, и не нужно каждый раз напоминать ему о таких мелочах. На часах было около восьми. Сегодня, кажется, четверг, вспомнил Максуд, и ей не нужно идти в школу, где она работает преподавателем биологии. А ему нужно к девяти на работу, и он мог бы поспать еще минут пятнадцать. Он привычно поднимался в пятнадцать-двадцать минут девятого, тратил около пятнадцати минут на утренний

моцион, бритье и быстрый завтрак, чтобы без двадцати девять выйти на улицу. Конечно, ему повезло, что они жили напротив станции метро. Он переходил дорогу, входил в метро на станции «Тургеневская» и за пятнадцать-двадцать минут доезжал до своего института, который находился недалеко от станции метро «ВДНХ». Пешком за несколько минут он оказывался у здания института. Ему даже немного завидовали коллеги. Некоторым приходилось стоять в утренних пробках по полтора часа, пока автобусы или их собственные машины доезжали наконец до места работы.

Максуд Намазов — доктор физико-математических наук — работал в одном из тех закрытых институтов, которые еще сохранились после распада Советского Союза и появления на карте новой демократической России. Новой стране также нужны были новейшие вооружения, оборонная промышленность и передовые технологии для армии. Этими проблемами традиционно занимался институт, где работал Намазов. Начало девяностых — сложные времена, когда финансирование почти закончилось, некоторые сотрудники — кандидаты и доктора превратились в мешочников и спекулянтов, выезжая за товаром в Турцию, а оставшиеся в Москве пытались

какими-то немислимыми способами выживать на смешные зарплаты... В те годы институт жил исключительно за счет аренды, сдачи сразу трех этажей своего основного здания различным кооперативам. Разумеется, ни о какой секретности и речи не могло быть, когда в институт, занимавшийся проблемами обороны, легко мог зайти любой посторонний с улицы, мотивируя это необходимостью попасть в одну из организаций, арендующих три этажа девятиэтажного здания. В середине девяностых отчаявшиеся сотрудники института написали коллективное письмо премьер-министру. Уже стоял вопрос о закрытии института, когда премьер выделил нужные деньги для развития. На дворе был конец девяносто шестого. Следующий год, казалось, упрочил надежды, институт получил наконец решение о восстановлении государственного финансирования. Но в девяносто восьмом произошел оглушительный дефолт, и, казалось, все рухнуло навсегда. Однако и здесь «повезло». Ставший премьер-министром Евгений Примаков возглавлял до этого Министерство иностранных дел и внешнюю разведку страны. Он хорошо представлял, какими важными разработками занят институт и какой большой интерес к нему проявляют различные страны, в том числе и спецслужбы. Поэ-

тому было принято принципиальное решение об удалении всех арендаторов и выплате всех необходимых институту средств.

Уже при новом президенте Владимире Путине институт еще более укрепили, выделив дополнительные площади за городом и средства для проведения экспериментальных работ. Нулевые годы стали временем подлинного возрождения института, когда наконец-то появились новые заказы, большие деньги и перспективы развития. Намазов начал получать приличную зарплату... Плюс зарплата жены... Теперь можно было относительно нормально существовать.

Максуд приехал в Москву после окончания школы, которую окончил с золотой медалью... Мечтал поступить в знаменитый МВТУ имени Баумана, откуда выходило большинство будущих ученых, космонавтов. Получив пятерку на первом экзамене, он автоматически был зачислен в это высшее учебное заведение... Студенческие годы пролетели быстро. И вот с новеньким дипломом прибыл в оборонный НИИ... Восемьдесят шестой год... Тогда ему исполнилось только двадцать два года и перспективы казались особенно радужными.

В двадцать пять он защитил кандидатскую диссертацию и женился на дочери своего науч-

ного руководителя — члена-корреспондента Академии наук Зайцева Вениамина Платоновича. Его миловидная дочь понравилась Максуду, еще когда он учился в МВТУ. Она часто приезжала к отцу, который работал заведующим кафедрой и уже тогда выделял среди своих учеников Намазова. Жена Зайцева была кабардинкой, и, может, поэтому он так благосклонно отнесся к стремлению Намазова познакомиться с его дочерью. Лариса оканчивала биологический факультет МГУ, и ей грозило распределение на работу куда-то в Северный Казахстан. Разумеется, ни ее родители, ни она сама этого очень не хотели. К этому времени Максуд уже несколько раз встречался с девушкой, она ему нравилась. Лариса, чтобы не уезжать в Казахстан, сама полусерьезно, предложила оформить их отношения... Он сразу согласился, и уже в начале мая они зарегистрировались...

Сама свадьба состоялась только в сентябре; очевидно, родители все-таки решали, стоит ли соглашаться на подобный мезальянс, ведь угроза вынужденного распределения уже миновала. Но Лариса настояла на своем, и в сентябре состоялась пышная свадьба. Тесть подарил зятю и своей дочери хорошую трехкомнатную квартиру в

районе метро «Аэропорт», куда они и переехали сразу после свадьбы.

Через год родилась Арина, которую называли так в честь матери Вениамина Платоновича, бабушки Ларисы. Казалось, что все идет прекрасно. Молодой кандидат наук Максуд Намазов имел московскую прописку, был кандидатом наук, зятем самого Зайцева и проживал в прекрасной трехкомнатной квартире в центре города. Но за окнами был уже девяностый год. Начались проблемы даже с детским питанием, невозможно было купить многие продукты. В девяносто первом распалась страна, а в начале девяносто второго, после того как правительство Гайдара отпустило цены, зарплата Намазова составляла всего восемь долларов. Лариса сидела дома с ребенком, и, если бы не помощь ее отца, они бы просто умерли с голода. Приходили посылки и из Махачкалы, от родителей Максуда, которые в эти трудные годы тоже поддерживали своего сына. Но это были очень трудные годы. Намазов не стал мешочником, презрительно отвергая любые предложения заняться подобным «бизнесом». В отличие от многих своих коллег он занимался наукой, искренне полагая, что рано или поздно она кому-то понадобится. В девяносто восьмом, в возрасте тридцати четырех лет, он

защитил докторскую диссертацию. Тесть был безумно рад, но Лариса устроила дома очередной скандал, заявив, что было бы гораздо лучше, если бы муж занимался бизнесом, а не этой глупой наукой, которая ничего, кроме «грошей», не дает. Она всегда приводила в пример их общего друга — Костю Хохлова, который бросил аспирантуру, не доучившись, отказался защищаться и занялся бизнесом, продавая ширпотреб из зарубежных стран, в основном из Польши и Венгрии. Намазов всегда говорил, что Костя загубил свой несомненный талант. Среди оставшихся в институте молодых сотрудников имя Константина Хохлова стало своеобразным символом стяжательства. Однако Хохлова это мало волновало, и уже через несколько лет он стал достаточно состоятельным человеком, а в нулевые даже построил два больших супермаркета... Купил роскошный «БМВ», построил дачу за городом, переехал в новую квартиру, женился на длинноногой модели, занявшей какое-то престижное место в московском конкурсе красавиц. Лариса всегда ставила его в пример своему неудачливому мужу, который, став доктором наук, по-прежнему мог существовать только на помощь, присылаемую из Махачкалы, и деньги, которые выдавал отец Ларисы.

Может, поэтому у них так и не появилось больше детей. Лариса категорически отказывалась рожать, ядовито напоминая, что и первого ребенка они смогли содержать только за счет ее родителей. И рожать второго ребенка, когда зарплата мужа не позволяла им нормально существовать, было бы крайне безответственным поступком. С годами Максуд, мечтавший о сыне, смирился с тем, что больше детей у них не будет. Наблюдая за другими семьями, он пришел к твердому выводу, что если в семье один ребенок, то это либо медицинские проблемы с женщиной, либо плохие отношения в семье между супругами. Отношения с Ларисой в девяностые были не просто плохими, а очень плохими. Он часто ночевал на диване в кабинете, куда она врывается, чтобы устроить очередной скандал.

Она все время напоминала ему, что эта квартира подарена отцом, и кабинет, который имеет Максуд, был тоже оборудован за счет ее родителей. При этом она каждый раз кричала, что у ребенка нет детской, тогда как он, неудачник, занял лучшую и светлую комнату. Несколько раз Максуд собирал чемодан, уходил из дома и ночевал у друга Лени Альтмана. Но каждый раз возвращался, когда Лариса звонила и просила его вернуться. Она была несколько истеричной женщи-

ной, подверженной приступам гнева. Однако она по-своему ценила мужа, которого хвалил ее отец, уверяя, что Намазов еще станет академиком. На нее сильное влияние оказывала и мать, души не чаявшая в своем зяте. Она каждый раз уговаривала дочь первой позвонить мужу и помириться с ним. Все эти скандалы закончились тем, что кабинет переоборудовали в комнату девочки, хотя Арина почти все время жила у бабушки с бабушкой, где в большой четырехкомнатной квартире у нее тоже была своя комната. Но чтобы не усугублять отношений с женой, Максуд перевез часть книг на работу, часть просто выбросил или раздарил друзьям. А большую часть подарил Леониду Альтману, с которым работал в одном институте уже много лет.

Летом жена, забрав дочку, отдыхала на даче у родителей, куда иногда приезжал Максуд. Он почти никогда не оставался на даче, чтобы не давать возможности Ларисе устраивать скандалы в присутствии ее родителей. Иногда отец покупал дочери и внучке какой-нибудь заграничный тур, отправляя их в Прагу или Стамбул. Разумеется, никто и не думал предлагать такую поездку самому Максуду. Когда наконец-то Намазов стал получать приличную зарплату, а устроившаяся на работу в школу Лариса начала самостоятель-

но зарабатывать, они позволили себе обновить дома мебель, технику, купить необходимые предметы обихода. В две тысячи седьмом Арина поступила на филологический факультет МГУ. Она по-прежнему жила у бабушки с бабушкой, иногда появляясь у родителей. Чаще всего она появлялась дома, чтобы попросить деньги у отца. Максуда более всего на свете раздражало, что Лариса с первого дня их совместной жизни обращалась к нему по фамилии, называя Намазовым. Эта привычка передалась и дочери, которая почти никогда не называла его папой...

Через год Максуд Намазов и Леонид Альтман получили Государственную премию за свои разработки в области оборонной техники. Их поздравлял весь институт. Тесть собрал своих друзей-академиков, чтобы отметить событие. Единственный человек, который отнесся к этому достаточно равнодушно, — была Лариса. Ее интересовала только финансовая часть премии, только деньги, на которые она сделала долгожданный ремонт в квартире и поменяла мебель. Самое поразительное, что она так и не появилась на банкете в честь успеха своего мужа... И два лауреата — Намазов и Альтман — сидели без своих жен.

Когда Арина оканчивала институт, уже не

было никакого распределения, но дедушка снова постарался, и внучка получила место в Институте мировой литературы. Директором института был Феликс Феодосьевич Кузнецов, старый друг бабушки, который с удовольствием согласился помочь внучке Вениамина Платоновича. За год до этого умерла бабушка Арины, мать Ларисы, которая всю жизнь пыталась сглаживать конфликты между дочерью и зятем. У нее нашли неоперабельную онкологию, и она «сгорела» буквально в несколько месяцев. Зайцев остался один. Его сын, Федор, уже пятнадцать лет проживал в Соединенных Штатах, в Сиэтле, став гражданином этой страны и женившись на американке. Детей не завели, жена была старше Федора на четыре года, и они раз в несколько лет приезжали в Москву, чтобы навестить родственников. Но в последние годы почти не появлялись, позволив себе приехать только на похороны.

Арина теперь жила все время с бабушкой. Лариса тоже довольно часто ночевала у них. Однажды Максуд предложил восстановить свой кабинет, на что получил едкое замечание, что ему достаточно и служебного кабинета, в котором он зарабатывает свои «гроши». Больше к этому вопросу они не возвращались, и он часто